

Александр Егоров

Мечтатели

БЕЛАЯ ВОРОНА
ALBUS CORVUS
Москва · 2023

ЧАСТЬ 1

Я очень люблю последние дни апреля, когда высыхают лужи и можно ходить не глядя под ноги. А если поднять глаза, увидишь сразу много интересных вещей: портовые краны на той стороне канала, буксиры у пристани, вагоны с углем и желтый автобус возле самого нашего подъезда.

У него на боку – телереклама:

ПОВЕЗЕТ!
новый сезон

Если задрать голову еще выше, то увидишь бетонные опоры скоростной трассы, утыканной крючками фонарных столбов, и солнечные блики на стеклянных щитах. Виадук висит над нашим островом, как сказочный хрустальный мост, но до него не долезть и не допрыгнуть. Ни один автобус туда не повезет. Даже чайки не залетают так высоко.

Хрустальный звон раздается в моем кармане. Это пишет Стас, мой друг:

«Ты о чем там думаешь?»

Так сразу и не ответишь, о чем я думаю. Ну вот, например, о новом сезоне на нашем острове. Для меня он семнадцатый. Для Стаса — восемнадцатый, и все идет к тому, что следующий сезон он пропустит.

За последние лет десять мы слишком привыкли друг к другу. И все равно без него будет тоскливо. Кроме Стаса, у меня друзей нет.

«Да так, — пишу я. — О жизни».

«Заканчивай. Еще успеешь. Пойдем лучше на пароход посмотреть».

«Это правильная мысль».

Я выхожу из подъезда. Делаю музыку погромче и поднимаю воротник. Свежий ветер дует с залива, и пахнет морем. Климат у нас петербургский. Как бы вам это описать, чтобы вы поняли? В куртке запаришься, без нее задубеешь. Вот такая у нас весна.

Вы уже догадались: я живу на Канонерке. Это самый суровый район Питера. От других суровых районов он отделен Морским каналом. Дальше к западу — только Финский залив и веселый остров Кронштадт, а за ним — открытое море.

Каждый день у меня под окном проплывают корабли. Это самоходные баржи с номерами вместо имен; это балкеры и контейнеровозы — длинные скучные грузовые посудины; наконец, это громадные белые пассажирские паромы высотой с девятиэтажный дом, под разноцветными флагами. Весной их особенно много. Одни выходят в море и плывут в Финляндию, и в Стокгольм, и в Гамбург, и в прочие неизвестные мне города. Другие идут к нам и швартуются в порту, или у Морского фасада, или прямо у стенки на

Английской набережной. Они проплывают так близко, что можно разглядеть лица людей на прогулочных палубах.

Раз в неделю ходит паром до Стокгольма. Часам к семи на нашем берегу собираются зрители — не меньше десятка, а то и больше, если вечер теплый. Мы со Стасом выходим тоже. Можно сказать, что у нас абонемент на все вечерние сеансы.

Пассажиры как раз выбирают из кают — полюбоваться заходящим солнцем. Они фотографируют огненно-рыжее небо, виадук скоростной трассы, одинаковые серые шестнадцатиэтажки, мужиков с удочками и нас, пока мы провожаем их взглядами, делая вид, что нам все равно.

Но мы только делаем вид.

Это очень странное чувство. Я попробую объяснить.

Когда ты живешь на острове, то не можешь не думать о море. Каждое воскресенье этот чертов пароход наматывает твои мысли на свой винт, и в голове становится пусто и скучно. Он вытягивает кусок твоей жизни — и всякий раз обещает, что вернет. Он уходит, а ты остаешься ни с чем.

Это все равно как если однажды весной ты снял шапку, вынул наушники и вдруг понял, что твоя музыка продолжает играть где-то поблизости, но все удаляется и удаляется, и стихает. И тебя охватывает серый шум города.

В панике ты вставляешь наушники, но музыки больше нет.

Наверно, вы решили, что я завидую этим людям на прогулочных палубах?

Не совсем так.

Мне нравится наш остров, и этот морской ветер, и сонные буксиры, и удушливый запах солярки в тоннеле, по которому идет автобус до центра. Мне нравится квартира на девятом этаже, с видом на портовые краны. Отец говорит, что Канары — депрессивный район, и здешняя недвижимость год от года лишь дешевет, а этот хрустальный мост уже сидит у него в печенках. Хотелось бы знать, зачем тогда он выходит поздно вечером на балкон и даже не курит, а просто сидит на табуретке и смотрит на фонари, и на темную воду, и на корабли, как они идут один за другим мимо нашего дома?

Как-то раз, давно, я спросил его об этом. Он не рассердился. Усмехнулся и сказал, что больше всего любит смотреть, как жизнь проплывает мимо. «Но ведь это они плывут мимо нашей жизни», — возразил я, и тут он рассмеялся и не стал больше ничего объяснять.

В те годы еще не было скоростной дороги над нашим островом, этой странной дороги, на которую нельзя подняться, а можно только смотреть снизу вверх. Потом ее построили, и отец стал смеяться все реже. И шутки у него стали несмешные.

Я бы не рассказывал об этом, но иначе вы не поймете, почему я не люблю оставаться дома. Особенно по выходным.

— Привет, — сказал мне Стас.

Мы уселись на скамейку у остановки. Желтый автобус уехал, вокруг было безлюдно. Солнце клонилось к закату. Западный ветер гнал мелкие скучные волны с залива. Я поежился.

— Пиво я не брал, — сказал Стас. — Или надо было взять?

— Не надо. Но спасибо за вопрос.

Он знает, что я это не люблю. Он вообще все обо мне знает. Просто ему с некоторых пор свободно продают всякие напитки в нашем свиньячем «Пятачке». Наверно, провожают заранее.

— Повестку принесли, — проговорил Стас, глядя куда-то мимо. — Бросили в почтовый ящик. Она там три дня пролежала. Ну что за идиоты.

— Отец говорил, это незаконно, — сказал я. — Ты должен сам принять и расписаться.

Стас сплюнул.

— Неделя осталась, — сказал он. — В следующий понедельник на сборный пункт. Так что контрольный заплыв отменяется.

Это он про осенний чемпионат по плаванию. Стас — кандидат во взрослую сборную, но в военкомате про это и слышать не хотят.

— Может, тогда за пивасом? — предложил я благородно.

— Да ладно, так посидим, — ответил он. — Скоро пароход притащится. Мне Кристиночка уже написала: от терминала отошел.

Так зовут его девушку. Впрочем, она своя собственная девушка, а совсем не его. Мы вместе учились, но в последних классах она переехала на континент.

— Кристиночка плывет в круиз? — уточнил я. — Без тебя?

Спросил и тут же пожалел об этом.

— С подругой, — отвечал Стас ровно. — У подруги бойфренд в Швеции. Вот они туда и едут. Развлекься.

Стас далеко не такой бесчувственный, каким всю жизнь хочет казаться. Ревностью никого не удивишь, но у Стаса за душой есть еще кое-что. Я бы сказал, любовь и нежность. И то и другое остается не востребованным.

Он бы, наверно, согласился продать душу дьяволу, или кому там полагается продавать душу, за одну хорошую любовь до гроба. Но получается, что эту душу он отдает за просто так.

— Крыска смешная такая, — Стас не выдерживает и улыбается. — Обещала меня сфотать с восьмой палубы. У нее зеркала с длинным объективом...

Тут он приглаживает волосы — тоже длинные и по-шведски светлые. Недолго им осталось. Это я о его волосах.

— Скажи честно, Денис, — говорит он, — как ты думаешь... у нас еще может получиться?

— Почему нет, — отвечаю. — Бывают же чудеса.

Денис — это я. Денис Брусникин. Я стригусь довольно коротко. Верю ли я в чудеса? Трудно сказать. Со мной никогда не происходило ничего волшебного или необъяснимого. Я даже не влюблялся ни разу. Ну, то есть не влюблялся до такой степени, чтобы не мог это объяснить.

Лучше сказать так: я легко допускаю возможность, что однажды вся моя жизнь сумасшедшим образом поменяется. Уже который год я жду чего-то от ленивого мироздания. Можно назвать это и чудом, хотя термин неточный.

Каждый день я думаю: может, это случится завтра?

По каналу пробежал черный буксир. В небе заметались чайки. Слева, на входе в канал, уже появилась высоченная остроносая белая коробка — тот самый паром.

Мы поднялись со скамьи и спустились к воде. Там было грязно. Пахло илом и соляжкой. Полупустой баллон из-под пива важно покачивался неподалеку от берега. Стас запустил в него камушком и попал.

— Вот так гасить мы будем шведа, — пробормотал он. Наверно, в ответ своим мыслям.

Ровный гул приближался. Как зачарованный, я глядел навстречу парому. На его белоснежный нос, трубу и на окна рулевой рубки — ряд прямоугольных стекол на уровне девятого этажа. Мне никогда не удавалось рассмотреть, кто же управляет этим судном. Издалека было ничего не разобрать, а когда паром подходил поближе, смотреть было слишком высоко.

Я незаметно сунул руку под куртку и прижал к груди. Это была странная привычка. Я никогда ни в кого не верил, но иногда мне хотелось в кого-нибудь верить. Этому кому-то я сказал бы, или поклялся, или пообещал бы одну простую вещь. Когда-нибудь, а лучше — поскорее, — так я сказал бы, — я буду стоять на прогулочной палубе вот такого же парохода с девушкой, которая меня любит. Я буду греть ее руки в своих ладонях. Мы проплывем мимо нашего острова, мимо каменистой косы, мимо кронштадтского терминала в открытое море и будем стоять на ветру, пока не надоест, а потом вернемся в каюту.

Что будет дальше, я представлял очень живо, хотя и не так отчетливо.

Паром очень резво плывет мимо. Что-то я не вижу никакой Кристинки среди туристов на восьмой палубе. Ах да, она же с фотоаппаратом.

На всякий случай я машу рукой в чей-то наглый объектив. Стас приглаживает волосы и глупо улыбается. Ему хочется, чтобы его любили, только и всего. Он мой лучший друг, думаю я, но не успеваю сказать это вслух.

— Дениска, ты чего тут болтаешься? — слышу я знакомый голос сзади.

Я оборачиваюсь.

— Посмотрел свой «Титаник» — и домой, — говорит папа твердо. — Привет, Станислав. Прощайся с другом. Я его сейчас эвакуирую.

— А что случилось? — спрашиваю я.

— Ничего особенного. Мать свяжется по «Скайпу» в полдевятого. Так что сегодня у нас вечерний сеанс ностальгии... даже не вздумай отказываться.

Стас все еще улыбается. Деликатно и по-дружески. Он все понимает. А мне немного не по себе. Я-то думал, что мне вполне удастся роль взрослого циника. Но уже в который раз выходит, что это не так.

Мама третий год живет в городе Сан-Диего, Калифорния, с новым мужем по имени Джейк. Наверно, он хороший парень, хотя и толстый. А отец плохой и безответственный. Жизнь проплывает мимо, а он даже не пытается ее догнать. А еще он любит меня, такого же бездельника.

Наверное, поэтому я с ним.

* * *

В понедельник утром мне позвонили с работы.

Работа у меня серьезная. Я — часть международной мафии сетевых контрабандистов. Смотрите сами: мои наушники круглосуточно подключены к телефону. А телефон подключен к офису. В офисе сидит администратор Игорь Трескунов по прозвищу Скунс. Он подключен к portalу интернет-магазина, где продается дорогое электронное барахло неясного происхождения,

растаможенное под видом детских игрушек и канцелярских принадлежностей. Случается, люди это покупают. Тогда Трескунов выходит из режима ожидания, протирает очки, принимает заказ и набирает номер службы доставки. То есть — мой.

Номер Трескунова не опознается — так положено, чтобы недовольные клиенты не названивали в контору. Но его голос ни с чьим не спутаешь.

— Проверка связи, — услышал я в этот раз. — Брусникин, ты жив? Лети срочно в офис. Есть дело на миллион.

Дело на миллион — обычная трескотня Скунса. Не стоит воспринимать всерьез. Однако игнорить тоже не стоит. Скунс — животное вредное.

— Выезжаю, — пообещал я.

Будить отца не хотелось. Я приготовил себе яичницу. Обжигаясь, выпил кофе и надел куртку.

Скоро желтый автобус уже вез меня через темный тоннель на Гутуевский остров, мимо таможенных складов и бывших заводских корпусов из серого кирпича. В одном из таких корпусов за высоким забором и притаилась наша фирма.

Автобус выпустил меня на свободу, взревел и пополз прочь, оставляя шлейф весенней пыли. Показав пропуск хмурому охраннику на проходной, я двинулся наискосок через широченный двор.

Лужи высохли, солнце жарило по-летнему. Я даже слегка взмок, пока взбирался по лестнице на пятый этаж.

Держать офис на пятом этаже неудобно, зато дешево.

Игорек Трескунов встретил меня лучезарной улыбкой, будто и вправду был рад встрече. Но я давно знал:

он улыбается, только если пахнет наживой. У него рефлекс крокодила.

И еще он очень болтливый. Ну, это вы уже поняли.

— Есть клиент, — сообщил Скунс. — Клиент, о котором можно только мечтать. Дениска, ты же любишь мечтать?

— В основном о премиальных.

— Тогда сегодня твой день. Короче, звонит по городскому одна юная девица. Ей нужен смартфон. Модель не волнует. Цена не волнует. Но надо, чтобы непременно с голосовым управлением. А голос у нее, прошу отметить, такой расслабленный, — тут Игорек изобразил жестами загадочную фигуру. — Короче, гламурная киса. Видел я таких. Им пальцами лень в экран тыкать, маникюр мешают...

Скунс даже языком прищелкнул. Я попробовал представить, где и когда он мог видеть подобных девиц.

— Так вот: я ее развел по максимуму, — продолжал он. — Предложил яблофон последней модели. Море гламура. Короче, отвезешь, включишь, настроишь, налик забереешь. А повезет, так еще чем поможешь... ты не теряйся...

— Показывай адрес, — прервал я его.

— Смотри. Это Петроградка. Нажористое место.

Он говорил еще что-то, но я не особо слушал. Забрал коробку и поехал.

Минут через сорок я вылез из метро на Петроградской. Передо мной по узкому проспекту двигался нескончаемый поток машин. Петроградка — тоже остров, но совсем не похожий на наш. Он крепко врос корнями в остальной город. Морем здесь и не пахнет. Зато воняет табачным дымом и пережаренным маслом из «Макдональдса».

Я достал телефон, привычно сориентировался, спустился в переход и пошел по солнечной стороне проспекта, глаза на дом с башнями и другие старинные здания, не менее причудливые. Прошел мимо сквера, где модно одетые парни катались на досках. Прошел мимо громадного дома с гранитными колоннами, с внутренним двором, уставленным черными мерседесами на красивых литых дисках, как в автосалоне. Глянул на карту: цель была близко.

Все же Игорек кое в чем ошибся. В доме нашей клиентки не было ни подземной парковки, ни прозрачного лифта. Вместо всего этого я увидел обшарпанный подъезд с облетевшей штукатуркой и высокими гранитными ступеньками. Как будто их специально сделали, чтобы труднее было входить.

Отворив тяжелую старинную дверь, покрытую миллионом слоев грязно-коричневой краски, я задержался перед другой — обычной, железной. Набрал две цифры на домофоне.

Прошла минута или две, прежде чем мне ответили. То, что я услышал из динамика, слегка озадачило:

— Алло? — раздалось оттуда.

Я вспомнил, о чем говорил Трескунов.

Юная девица с расслабленным голосом.

— Это курьер, — сказал я в домофон. — Привез вам заказ.

— Прошу прощения, — отозвалась девица. — Я не ждала вас так скоро.

— Может, я не вовремя? — уточнил я не без сарказма.

— А сколько сейчас времени?

«Хьюстон, у нас проблемы», — решил я. Вслух же сказал:

— Полпервого. Вы дверь-то откроете?

— Сейчас, сейчас, — голос стал слышен хуже, будто вздорная девица отвлеклась на покраску ногтей. — Сейчас. Все время теряю кнопку.

«Что за...» — успел подумать я, но тут коротко пропищал сигнал, и дверь поддалась.

Этажи в этом доме были вдвое выше обычных, а пролеты лестниц — такие широкие, что по ним проехал бы внедорожник средних размеров. Стоит ли говорить, что нужная квартира оказалась на последнем этаже? Я в очередной раз пожалел, что надел утром куртку, но тут лестница наконец кончилась. Я стоял у двери. Дверь была приоткрыта. За дверью никого не было.

«Что за...» — подумал я вторично.

В прихожей пахло старой одеждой и чем-то приторно-сладким, как если бы когда-то давно здесь разбили банку с вареньем. Огромный старинный шкаф громоздился справа от двери, и первое, что я сделал в этой квартире, — приложился к нему боком. Шкаф даже не дрогнул.

— Проходите налево, — произнес уже знакомый голос.

— Где у вас свет включается? — спросил я.

— Ах да. Посмотрите впереди, на стене.

Сделав несколько шагов в полутьме, я ощущал стену перед собой — ту самую, на которой у нормальных людей висит зеркало, — и отыскивал выключатель. Желтый шар под потолком коротко мигнул и засветился болезненно-ярким светом. Я увидел отслоившиеся обои и — вместо зеркала — картину на стене. Картина была не простая: медный лист, на котором кто-то не слишком

умело отчеканил голую женщину с неестественно длинными ногами. Эти ноги она сложила наподобие ножниц, а сама манерно откинула голову. Кажется, она сидела на песке у самого моря. Заходящее медное солнце было похоже на половинку блина.

Больше я ничего не рассмотрел, потому что лампочка вдруг вспыхнула и погасла.

— Прошу вас снять обувь, — снова раздался голос. — Мама очень ругается, если в дом приносят грязь.

Я снял кеды и поставил в сторонке, хотя тут же понял, что на обратном пути я их не найду.

Осторожно ступая по скрипучим половицам, я пошел в ту сторону, откуда слышался голос.

Девушка сидела за столом, застеленным белой скатертью, как на известной картине Серова. В высоком окне за ее спиной виднелись верхушки деревьев. Солнце светило мне в лицо, и я старался смотреть в сторону. В стороне вдоль стены были расставлены шкафы, набитые потрепанными книгами. Еще там висели часы с маятником, похожие на большой застекленный скворечник. Часы мирно тикали. Только сейчас я понял, как тихо в этом доме.

Девушка первой нарушила молчание:

— Присаживайтесь. Вам не холодно в носках?

— Они теплые, — соврал я.

— Только не посадите занозу. Паркет очень старый.

Я уже ничему не удивлялся. Я рассматривал ее платье. Домашнее, ситцевое, в горошек. Длинные светлые волосы она небрежно спрятала под заколку.

На меня она не смотрела. Так и сидела опустив глаза. Ей было лет восемнадцать, не больше. И еще она была

очень симпатичная. Я давно не видел таких симпатичных девушек... так близко.

Может быть, поэтому я сказал максимально сухо:

— Я привез ваш заказ. Оплата наличными.

Она расцепила пальцы. В ладошках у нее были зажаты деньги. Несколько пятидесятирублевых бумажек, свернутых едва ли не в трубочку. Она разгладила деньги на столе.

— Вот, — сказала она. — Этого должно хватить.

Я смотрел, не отрываясь, на ее пальцы. И еще сам не понимал почему. Потом протянул руку, чтобы пересчитать деньги, — но тут случилось странное. Одним неловким движением она легонько прижала мою руку к столу, словно хотела поймать. Но вместо этого просто провела подушечками пальцев по тыльной стороне моей ладони. Тогда я понял.

Моя рука так и осталась лежать на пятидесятирублевых бумажках, будто ее выключили.

— Вы... плохо видите? — спросил я.

— Я практически ничего не вижу. Уже семь лет.

Она даже не изменилась в лице. Только подняла на меня глаза. Они были темные, большие, но — как бы объяснить? — слишком отстраненные. В них не было жизни. Только усталость.

— Это называется «дистрофия сетчатки». Я еще различаю кое-что... свет и тень, силуэты предметов... Ваш силуэт тоже вижу. На большее и не рассчитывайте.

— Теперь понятно, — пробормотал я.

— Мне не нужно понимание. Извините. Мне нужен только мой заказ.

— Ах да...

Я достал коробку. Не удержался и спросил:

— Если не секрет, зачем вам такой телефон? То есть, я хотел сказать... почему именно такой?

— Мне, в общем, все равно, — призналась девушка. — Ваш менеджер предложил. Я в этом не разбираюсь. Мне нужно, чтобы он включался по голосу. И еще... чтобы я могла диктовать ему... что-нибудь...

— Что диктовать? — не понял я.

— Ну... свои мысли. И чтобы он мог их записывать с моих слов в виде текста. Я, знаете ли, мечтаю написать настоящую книгу... Я понимаю, звучит смешно... но больше мне все равно заняться нечем.

Она очень мило улыбнулась. Все-таки сволочь этот Скунс, подумал я.

И почему-то вновь спросил — очень вежливо:

— Про что же будет книга?

Девушка еще больше смутилась.

— Вы не смейтесь. Это такое фэнтези. Для девочек. О том, как жила одна принцесса... и у нее в замке был огромный старинный шкаф.

Я потер бок.

— В детстве она любила там прятаться от всех. И вот однажды обнаружила, что это не просто шкаф, а дверь в другой мир...

— Портал, — подсказал я.

— Вот именно... и тогда она попадала на волшебный остров Мечтания... Так он назывался. Принцесса часто гуляла там, потом возвращалась.

— Остров Мечтания? А чем она там занималась, на этом острове?

— Я не знаю. Еще не придумала. Там должны быть львы, единороги... драконы...

— Надо сочинить какую-то историю. Иначе непонятно, с чего ее туда так тянуло.

— Ее не тянуло. Просто она... могла там видеть. В своем мире она была незрячей.

Я вздохнул.

— Я уже решила, что конец будет хороший, — сказала она. — Появляется принц на белом коне, целует принцессу, и она исцеляется... Осталось написать все остальное.

— Может, лучше сразу про принца написать? Чего ждать-то?

— Вот видите, и вам смешно, — сказала она. — Не надо было рассказывать. Все это очень глупо.

— Почему глупо? Совсем наоборот.

— Просто вы меня жалеете. Меня все жалеют. Даже врачи.

— Почему же, — сказал я не очень-то искренне. — Наверно, у вас получится интересная книга. Можно еще сделать аудиовариант...

— Тогда, может быть, я поскорее заберу телефон? — перебила она. — Мама скоро вернется. Боюсь, она будет недовольна. Она не знает, что у меня есть деньги.

— А кто ваша мама?

— Она учитель. Русского и литературы. Правда, уже на пенсии. Ей приходится подрабатывать, мы же вдвоем живем... но она старается вернуться пораньше, чтобы я не сидела дома одна... в час дня должна прийти.

В эту минуту часы на стене негромко захрипели и как-то меланхолично ударили: «бим-бом».

— Они отстают, — заметил я.

— Я знаю. Им лет сто. У нас все очень старое.

— Вы сможете подписать счет? — спросил я. — Вот тут... и вот тут.

Мне пришлось взять ее руку в свою, чтобы она смогла расписаться. Я еще никогда не проделывал таких манипуляций с клиентами. Было... очень необычно.

— Спасибо вам, — сказала она. — Спасибо, что не смеялись. Я так волновалась... нагородила всякой ерунды... не удивляйтесь. К нам ведь даже гости никогда не ходят.

Она даже слегка покраснела от волнения. Тогда я сказал:

— Я... я могу приехать завтра. Вам будет сложно разобрататься с настройками...

Солнце заливало комнату, и было видно, как воздухе летает пыль. Эта девушка смотрела... да, я так и оставлю это слово: смотрела — прямо на меня. И смущенно улыбалась.

— Да, мне будет сложно, — сказала она. — Если... вас не затруднит...

В прихожей коротко пикнул сигнал домофона.

— Это мама, — сказала девушка, изменившись в лице. — Вам лучше уйти. Скорее, пожалуйста.

Честно говоря, я и сам хотел избежать лишних вопросов. Не забыв прибрать деньги, я выскочил в темную прихожую. Лампочка не горела. Я нащупал куртку и поскорее надел. Согнулся и принялся шарить по полу. Нашел один кед, а второй не нашел.

Тут я услышал, как в замке наружной двери поворачивается ключ.

— Ч-черт, — прошептал я.

Наугад вытянул руку, схватил второй кед и вторично врезался в темный шкаф — на этот раз левым боком.

Этим самым боком я ощутил, что из дверцы шкафа торчит металлический ключик. Я взялся за него, отворил дверцу и нырнул внутрь в тот самый момент, когда входная дверь распахнулась.

Шкаф был огромен. Держа кеды в руках, я затаился в самой глубине, между чьей-то древней колючей шубой и зимним пальто.

— Дочка, это я, — слышался голос. — У нас все в порядке?

— Все хорошо, мама.

Послышались шаги. Щелкнул бесполезный выключатель. Еще раз и еще.

— Ты знаешь, дочь, у нас перегорела лампочка! Хорошая советская лампочка! Неужели придется покупать эту современную дрянь?

Голос был как у всех старых училок — и даже хуже. Кажется, говорившей было все равно, слушают ее или нет.

Выходить мне совсем не хотелось.

— Новые лампочки более экономичные, мама, — донеслось из комнаты.

Половицы проскрипели рядом со мной. Кажется, мать снимала уличный плащ.

— В новых лампочках масса вредных веществ. Они загрязняют окружающую среду. Кстати, почему у нас открыт шкаф? Я помню, что он был заперт. Я же лично захлопнула дверцу перед уходом.

Я замер. Шубы и пальто зашевелились, и в шкафу стало теснее. Плащ повис прямо перед моим носом. Я мало знал о вредных веществах, но в этом шкафу воцарилась какой-то адской химией. Больше всего на свете мне хотелось чихнуть.

— Шкаф открыт потому, что я проветривала твою шубу, — сказала девушка, и я удивился и обрадовался. — Хорошо бы упрятать ее в полиэтиленовый мешок. Зима-то кончилась.

— Ты у меня помощница, — успокоилась мать. — Может быть, займемся прямо сейчас, пока не забыли?

Я перестал дышать.

— Нет, мама. Сделаем это после обеда. Очень хочется кушать.

— Хорошо, — ответила мать. — Только перестань говорить слово «кушать». Это не слишком культурно, когда имеешь в виду себя. Надо говорить: я... хочу... есть!

Тут она с недюжинной силой захлопнула дверцу шкафа. А потом повернула ключик в замке.

От неожиданности я все же чихнул — прямо в этот ноябрьский плащ. Учительница ничего не заметила. Продолжая что-то говорить, она проследовала вдаль по коридору — на кухню.

Несколько минут я сидел в тесноте, темноте и духоте. Потом толкнул дверь плечом. Дверь не поддавалась.

Я нахмурился.

Наверно, нужно было просто позвонить. Прямо из шкафа. Но тогда у девушки возникли бы серьезные неприятности. А мне не хотелось, чтобы ее вздорная мамаша учинила допрос.

С другой стороны, разве это мои проблемы? — думал я. Она даже не сказала, как ее зовут. Или я не спросил?

Мне было жарко. В ушах шумело. Перед глазами вертелись какие-то оранжевые круги. Наверно, химия уже действовала.

Я достал телефон и включил фонарик. Темнота обрела форму: оказывается, я удачно поместился между кошмарной бурой шубой (в ней хорошо впадать в спячку, подумал я) и длинным пальто из прошлого века. Над моей головой на длинной деревянной штанге висели пустые деревянные плечики, похожие на чьи-то хорошо высушенные ребра. Я осветил фонариком в глубину и рассмотрел стенку из темных, плотно пригнанных друг к другу дощечек. Этому шкафу было, наверно, лет сто.

Я протянул руку и уперся в стену. Нет, выход в другой мир не хотел открываться.

Зато дверца шкафа с легким скрипом распахнулась. — Вы здесь? — вполголоса спросила девушка. — Выходите... только тихо...

Я не заставил себя упрашивать. — Вы уже поняли, — сказала она негромко. — Это не портал. Просто старый душный шкаф. И принцессы из меня не вышло.

Я стоял в полутьме на холодном полу и смотрел на нее. Я силился понять, шутит ли она.

— А теперь идите.

Я пошевелил пальцами ног — в носках.

— Кеды там остались.

Она приоткрыла дверцу, нагнулась и извлекла мои кеды — сразу оба. Я поскорее взял их в руки, боясь снова потерять. А она вдруг снова задержала мою руку в своей. И легонько провела пальцами вверх, до запястья. Было приятно.

— Все равно спасибо вам, — сказала она. — Страшно даже представить, что было бы, если...

Вдалеке хлопнула дверь, и послышался голос матери — непривычно ласковый:

— Танечка! Иди уже мыть руки и кушать!

— Меня зовут, — сказала Таня.

— А меня зовут... Денис. Денис Брусникин.

— Очень приятно... только поспешите. Если я не отзываюсь, мама приходит за мной. Она очень беспокоится. Я открою вам дверь, вы сами не справитесь с этим замком...

Вот так, в носках и с кедами под мышкой, я стоял на залитой солнцем лестничной площадке, на холодных кафельных плитках. Плитки были старинные, белые, разделенные по углам крохотными синими ромбиками.

На часах было лишь полвторого. Как же много событий уместилось в шестьдесят минут, подумал я.

В задумчивости я достал из кармана деньги. Пересчитал. Спрятал получше.

Спустился на пролет ниже, уселся на высокий холодный каменный подоконник и принялся зашнуровывать кеды. Потом спрыгнул на пол и пошел вниз по широкой лестнице, все ускоряясь. И последний этаж пробежал уже вприпрыжку.

Теперь отвезти деньги в офис — и обратно на остров.

* * *

— То есть ты даже ее не сфоткал? — спросил Стас.

— Не до того было.

— Да я понимаю... то есть не понимаю, конечно... говоришь, она красивая?

— Ничего я не говорю...

Мы снова сидели на остановке возле моего дома. Парома в этот вечер не ожидалось, но на канале кипела жизнь. Три самоходные баржи с гранитным щебнем одна за другой прошли в порт, а потом за ними проплыл деловитый буксир-толкач, похожий на старый ботинок с задраннным носом.

Буксир нагнал волну, и чайки еще долго кружили над водой, по привычке высматривая что-то интересное. Хотя я знал, что эти гордые птицы уже давно кормятся на городских свалках, но все равно верил, что они мечтают об открытом море.

Кажется, Стас думал о том же. Он посопел носом, сплюнул и сказал:

— Если честно, я завидую. Настоящая романтика. Со мной такого никогда не случалось.

Я покачал головой.

— Ничего и не случилось. Она меня даже не видела. И вряд ли увидит.

— Неважно, — сказал Стас. — Бывает любовь и без первого взгляда. Просто любовь, и все.

Я хотел возразить. Но почему-то не решился.

Когда я пришел домой, отец сидел на диване и смотрел новости. Впрочем, я знал, что ему все равно, что смотреть. Он просто убивает время всеми доступными способами — этот еще из самых безвредных.

— Привет, — сказал я.

Отец улыбнулся.

— Дениска, у тебя странный вид, — сказал он, прищурившись. — Может быть, ты влюбился?

«Да что же это такое сегодня», — подумал я. А вслух сказал:

— Если бы я влюбился, меня бы здесь не было.

Отец не поверил.

— Даже смертельно влюбленный мужчина не сможет отрицать пельмени на кухне, — сказал он. — Любовь, знаешь ли, приходит и уходит. А кушать хочется всегда.

— Да, я пойду поем, папа, — ответил я. — А кстати: ты согласен, что про себя самого нельзя говорить «кушаю»?

— Про себя — нельзя. Про меня — запросто, — отозвался отец.

— То есть слова «кушаю» не существует? Но ведь оно есть, раз я его говорю?

— Ты чертов софист. Неужели вас на работе учат нейролингвистическому программированию?

— Еще и не тому учат. Кстати, о работе. Скажи мне одну вещь, и я уйду: когда девушка держит тебя за руку... вот так... что она хочет этим сказать?

— Хочет проверить твой пульс — учащенный или нет? Я же говорю, ты влюбился. Срочно съешь что-нибудь.

Мне стало смешно. Отец, как всегда, был прав.

— Я все понял, папа, — сказал я, улыбаясь. — Пойду приму белков и углеводов. Завтра буду в порядке.

Ночью, лежа в постели, я попробовал вспомнить Танино лицо. Вспомнил только, как она улыбалась, а больше ничего. Если я встречу ее на улице, то могу и не узнать, подумал я. Разве можно узнать человека по улыбке?

Хотя почему нет. Можно. Если, например, ты в него влюбился. Совсем неожиданно и без объяснений.

Интересно, думал я, что она там пишет в своей книге?

* * *

Принцессу разбудил бой часов на башне.

Так всегда бывало по утрам. Тяжелый однообразный звон проникал сквозь окна спальни – стрельчатые, с цветными стеклами в свинцовых рамах. В ту же минуту первый солнечный луч заглядывал в комнату, и пылинки принимались плясать над широкой кроватью. Этот весенний луч приносил беспокойство. Он был нескромным и навязчивым. Он грел нос принцессы, заставлял розоветь щеки и трепетать ресницы. Он ждал, что делающая-вид-что-спит девочка вот-вот откроет глаза и улыбнется разноцветным солнечным зайчикам, которых он заботливо развесил по стенам.

Но такого давно не случалось. Принцесса больше не могла видеть свет. Для чего же тогда просыпаться каждое утро? Для чего покидать мир снов – беззаботных и красочных, как в детстве?

Несчастливая принцесса спрятала голову под подушку. Удалось укрыться от света, но не от времени: бронзовый гул достигал всюду.

С последним ударом часов она поднялась и села на постели.

Она хмурилась. Она куталась в лоскутное одеяло.

Она хотела вспомнить, что ей снилось. Но картинки ускользали, бледнели, растворялись в дневной темноте. Это было печальнее всего. Чей-то голос еще звучал, дружеский и приветливый, незнакомый мальчишеский голос, и она не имела ни малейшего понятия, кому бы он мог принадлежать. Он звал ее с собой, обратно в сон – и не дозволялся.

За дверью послышались шаги. Кто-то взялся за ручку. Принцесса поспешно опустила босые ноги на соломенную циновку.

Оправила рубашку, откинула назад свои прекрасные золотистые волосы. Тот, кто стоял за дверью, деликатно подождал – так было заведено, – а затем дверь открылась.

– Доброе утро, Хлоя, – услышала принцесса свое имя. И ответила с улыбкой:

– Доброе утро, мама.

Королева приблизилась. Села рядом. Предложила дочери миску с теплой водой – умыться.

– Как тебе спалось, моя дорогая? – осведомилась она. – У тебя усталый вид.

– Спасибо, мама. Превосходно. Я не устаю от сновидений. Но это гадкое солнце светит прямо в глаза.

– Если хочешь, я прикажу занавесить окна.

– Не нужно. Боюсь, так будет еще грустнее.

– Не грусти. Мне больно, когда ты грустишь.

С этими словами королева погладила склоненную голову дочери. Поцеловала ее в лоб.

– Любовь моя, – сказала она.

Принцесса робко улыбнулась. Тогда королева помогла ей скинуть рубашку и примерить новое платье, которое она сшила собственноручно из тонкого льняного полотна. Пока дочь одевалась, зябко поеживаясь, мать помимо воли оглядела ее с ног до головы. Бедная малютка, думала она. Ведь это ее шестнадцатая весна – даже самой не верится, – уже шестнадцатая. Бедняжка расцветает с каждым днем, как нежная роза в заброшенном саду. Она даже не знает, как она прекрасна. И сказать некому.

– Платье тебе впору, – оценила королева. – Повернись... кажется, я забыла вынуть булавку...

– Спасибо, мама. Булавка добавила бы пикантности. Особенно если на нее сесть.

– Как я люблю твои шутки... тебе нужно их записывать. Получится веселая книга.

– Не желаю никого веселить. Впрочем, мне скоро сделают дощечки для письма. Такие небольшие восковые таблички. Я буду выгравировать на них буквы. А если писать крупно, я смогу даже читать.

– Интересно. Кто же придумал такое чудо?

Принцесса поздно поняла, что проговорила.

– Не сердись, мама, – сказала она. – Это один мой друг... из деревни... если помнишь, в детстве я сама научила его читать и писать.

– Уж не тот ли пастушок Дафнис, олух царя небесного?

– Да, мама. Он.

Королева с трудом скрывает свое раздражение.

– Слов нет, полезное знакомство. Третьего дня я встретила его на кухне. Он с аппетитом уплетал наш копченый окорок... даже за ушами трещало... Кстати, чего бы тебе хотелось на завтрак?

– Мне все равно, мама. Я с удовольствием скушаю все, что мне предложат.

Тут королева не смогла удержаться и прочла принцессе нотацию:

– Ты же знаешь, милая, как это неприлично – говорить «кушаю» о себе. Так говорят вилланы, когда хотят казаться господами.

– Простые счастливые люди, – заметила дочка. – Говорят как хотят, ходят где пожелают.

– Вот и ходили бы подальше от нас. У простолюдинов и сеньоров дороги разные. Пусть наш дом и беден, но все же это королевский замок.

– Да, мама. Воистину так. Если позволишь, я погуляю одна, пока не накрыли на стол.

– Конечно, дочка. Это даже полезно в твоем возрасте.

– Говоришь ли ты о прогулках или об одиночестве? – не удержалась принцесса, но тут же опустила ресницы. – Прости, мама. Я не хотела тебя обидеть.

Она погладила руку королевы. Та рассеянно сжала ее пальцы. По ее лицу было трудно понять, о чем она думает. Впрочем, принцесса этого лица и не видела.

– Жду тебя к завтраку через полчаса, – сказала наконец королева. – Но прошу тебя не выходить во двор. Не заставляй меня высылать на поиски всю прислугу, как в прошлый раз.

– Но и ты, мама, не следи за мной. Я все равно услышу.

Королева со вздохом поднялась. Вместе с миской скрылась за дверью. Дождавшись, пока ее шаги стихнут в одном из отдаленных коридоров, принцесса подошла к окну. Прислушалась. Со двора доносилось лошадиное ржание и грубые голоса. Где-то густо хрюкала свинья и повизгивали веселые поросята. Каркая, пролетела ворона – надо полагать, устроила себе гнездо где-то под крышей башни.

Замок был не бедным – он был нищим. Только эти каменные стены, пожалуй, и напоминали о королевском величии. Все земли вокруг давно были отданы соседям за долги и вилланам – на откуп. Получалось, теперь крестьяне терпели бывших господ лишь из милости, да еще в память о короле-отце. Старик Ричард не отличался львиным сердцем, и премудрый Господь призвал его к себе ровно в тот день, когда он устроил пир по случаю десятилетия дочери, Хлои. Ричард отбыл в мир иной не с мечом в руке, но с кубком, прямо во время задрванной речи. Злые языки уверяли, что оттого-то дочка и начала вскоре слепнуть.

Поскольку наследника-мальчика у Ричарда не было, окрестные короли слетелись, как те вороны, и поделили его владения

по справедливости. Даже старинную мебель из замка – ту, что подороже – забрали в счет долгов и вывезли в различных направлениях. Королевский трон из шафрантского дуба с изысканной резьбой, мягкие кресла, обитые телячьей кожей, удивительный круглый стол, как у приснопамятного Артура, но поменьше, – все забрали соседи.

От былой роскоши остался только черный дубовый шкаф высотой в полтора человеческого роста. Он громоздился в темном углу нижнего яруса башни – едва ли не с того дня, когда замок покинул последний каменщик. Про этот шкаф говорили разное. Уверяли, что в нем хранится старая горностаевая мантия Ричарда Первого, изрядно побитая молью, а сверх того – платье золотой парчи, цены немалой (хотя никто ни мантии, ни платья своими глазами не видел). Говорили также, что непосредственно в шкафу начинается подземный ход, ведущий за стены замка к самой реке. Но свидетелей опять-таки не нашлось. Наконец, иные мечтатели уверяли, что шкаф на самом деле вовсе не шкаф, а дверь в давно потерянный мир, в Эдемский сад, совсем такой, каким он был в первые дни творения – ни больше ни меньше. И что такие двери по сей день сохранились кое-где на земле, но доступны лишь избранным.

Занятно было вот что: иные гости, посещая вдову по долговым тяжбам, не раз проходили в шаге от шкафа – но словно бы его не замечали. Так и стоял он в стороне от людских глаз, запертый на замок, а ключа никто не видел уже много лет.

Принцесса Хлоя не без осторожности присела на массивный дубовый подоконник. В узкой нише под ним нащупала спрятанный там ключ, кованого железа, размером с полладони. Еще раз прислушалась: не прячется ли кто за дверь? – и, укрыв ключ в рукаве, покинула спальню.

Казалось, в своей вечной темноте она видит путеводный свет – так легко и уверенно находила она дорогу в коридорах замка. Понятно, что эта легкость была следствием привычки. За пределами дома принцесса Хлоя становилась несчастной слепой девушкой – на свою беду, слишком привлекательной, чтобы без опаски гулять в одиночестве. О природе этой опасности Хлоя знала лишь понаслышке, однако старалась не искушать судьбу. Как уже говорилось, в помещениях замка она чувствовала себя как рыба в воде, пусть это сравнение и покажется читателю несколько расплывчатым.

Итак, принцесса вооружилась ключом и отправилась прочь из спальни. Если бы кто-то проследил за нею сейчас, то сразу понял бы, куда она идет. Спустившись по винтовой лестнице в галерею, она остановилась перед старым шкафом.

Помедлив, вставила ключ в замочную скважину.

Ключ повернулся с неожиданной легкостью. Раздался тихий звон, как если бы серебряные молоточки пробежались по бронзовым пластинам, и широкие двери – словно сами по себе – отворились.

В шкафу было темно и пусто. Сладко пахло сандаловым деревом и мышами. Должно быть, принцесса и не ожидала ничего там найти. Ловко и уверенно, как если бы делала это не впервые, она вытащила ключ из замка, шагнула внутрь (не забыв приподнять краешек платья) и неслышно прикрыла за собой двери.

Тьма темнее самой черной ночи охватила ее. Но, как мы знаем, принцесса Хлоя не боялась темноты. Сжимая ключ в руке, она терпеливо ждала.

И чудо случилось: в задней стенке шкафа, которой полагалось бы вплотную прижиматься к сплошной каменной

кладке башни, вдруг возникло крохотное отверстие – и ослепительный луч света вырвался оттуда и прорезал темноту. Тогда-то принцесса и улыбнулась в первый раз за все утро. Протянула руку с ключом точно туда, откуда шел свет.

Замок щелкнул, и дверь отворилась наружу. Она выходила вовсе не в каменный двор-колодец, как можно было бы предположить, и даже не на речной склон у стен башни, и даже не на изумрудные луга за рекой, на которых вилланы пасли своих овец. Ничуть не бывало.

За дверью открылся удивительный вид, непривычный для здешних мест. Там было много солнца и моря; был пустынный берег и пальмы; ленивые волны с шумом накатывались и отступали, пузырясь в полосе прибоя; на песчаной отмели сохла перевернутая лодка. За спиной же зрителя (если бы он догадался оглянуться) тянулись горные склоны, поросшие буйным лесом, а на вершине самой высокой горы скорее угадывалась, чем виднелась, белая колоннада прекрасного дворца.

Это был остров Мечтания.

Вы уже поняли: мы не в силах даже близко описать, что увидела в этой волшебной стране принцесса Хлоя, когда к ней вернулось зрение. Мы только знаем, что она еще долго стояла на пороге дивного мира, не решаясь сделать шаг.

Она смотрела вокруг и не могла наглядеться. Только прикрывала глаза от солнца ладошкой, чтобы вновь не ослепнуть. Узнавала знакомые места – и не могла их узнать.

Наконец она решилась. Скинула домашние туфли и сделала несколько шагов по теплему песку. Оглянулась: никакой двери за ее спиной больше не было. Не было ни малейшего намека на дверь.

Принцесса снова улыбнулась. Решительно хлопнула в ладоши. – Сириус! – позвала она.

* * *

Утром я стоял возле дома вчерашней клиентки (теперь у нее было имя: Таня). В двадцать первый раз нажимал кнопки домофона. После двух минут натужного писка тот отключался, приходилось набирать номер снова. Все впусую.

Время от времени я набирал городской номер, записанный на моей бумажке. Никто не брал трубку.

Наконец железная дверь подъезда со скрипом отворилась. Оттуда выглянул пенсионер с палкой и тележкой на колесиках, внимательно осмотрел меня и протиснулся мимо. У него были длинные седые всклокоченные волосы, как у безумного профессора из голливудских фильмов. Боком он спустился с гранитной ступеньки, подхватил тележку (я придержал ему дверь) и пошел прочь, стуча палкой.

Но я уже проник внутрь.

В подъезде было тихо и прохладно. Стараясь не спешить, я поднялся на последний этаж. Мое сердце стучало ровно и даже не дало ни единого сбоя, когда я увидел, что дверь Таниной квартиры приоткрыта.

Звонить или нет? – подумал я – и звонить не стал. Просто вошел.

К удивительным старинным запахам прихожей добавился запах горелого воска, как в церкви. Было так же темно, как и вчера, если не темнее. Я задумался: конечно,